

Мороз, Красный Нос — эпизод 7 из 7

промолвив опять,
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.
В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.
И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,
Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...
В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето
Не вся еще рожь свезена,
Но сжата, полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.
Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.
Телега, скрипя, подъезжает
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.
Бог помочь! А где же Гришуха?
Отец мимоходом сказал.
В горохах, сказала старуха.
Гришуха! отец закричал,

На небо взглянул. Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.
Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.
Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.
Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
Сестренку вертится вьюном!
От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,
Добрался, оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...
Машутка отцу закричала:
Возьми меня, тятка, с собой!
Спрыгнула с мешка и упала,
Отец ее поднял. Не вой!
Убилась неважное дело!..
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!
Смотри же!.. Жена застыдилась:
Довольно с тебя одного!
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя...) Ну! Машук, ничего!
И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,

И с грохотом воз покатыл.
Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,
Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...
Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,
Душой улета за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!
О чем она бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольного счастья предел.
В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.
Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.
Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.
Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!
Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь

И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.
Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,
Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайной
Вершинами белка идет.
Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

Известная народная игра, называемая: сеять мак. Маковкой садится в
середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх,
представляя тем отряхиванье мака; а то еще маком бывает простоватый
детина, которому при подкидывании достается немало колотушек.²
Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства.